

АНДРЕЙ МАЛЮК,

младший научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Дискурс глобализации с точки зрения мир-системного анализа

Abstract

The article contemplates the views on modern phase of world civilization development that were elaborated in the researches of globalization and world-system analysis. It is emphasized that the research of globalization and WSA are competitive analytical perspectives. While the research of globalization consider modern period as a qualitatively new phase of global system formation, world-system analysis asserts that the essence of new great transformation consists in the crisis of modern global capitalist system and transition to a new historical one. Comparison between the research of globalization and world-system analysis demonstrates that the latter provides more clear picture of social reality.

В социальных науках все шире признается, что современный мир переживает новую великую трансформацию, развертывающуюся одновременно во многих измерениях (экономическом, политическом, геополитическом, технологическом, социальном и культурном). Эту трансформацию связывают с интенсификацией в конце XX века процессов глобализации, ведущих к образованию единого целостного мирового экономического пространства.

В этих условиях возрастает понимание того, что кризис, с которым человечество столкнулось на пороге нового тысячелетия, не может быть адекватно осмыслен и преодолен на уровне отдельных государств и взаимоотношений между ними. Поэтому государствоцентристский подход, ранее преобладавший в западном обществоведении, исчерпывает свои возможности как совокупность средств и методов научного познания и практического преобразования современной социальной реальности. Обществоведение испытывает потребность в новой парадигме, способной дать адекватное объяснение и понимание структуры, механизма функционирования, социальных противоречий

и тенденций современной глобальной системы как органичной целостности с собственной логикой развития.

Пионером в преодолении государствоцентризма и конструировании теоретических инструментов исследования глобальной целостности в последней четверти XX века стал мир-системный анализ (МСА) — исторически ориентированное направление теоретизирования в современной западной общественной науке, созданное группой леворадикальных американских социологов во главе с И.Валлерстайном.

Теоретики МСА осознали глобальную природу систем социальных взаимодействий гораздо раньше, чем термины “глобализация”, “глобальное общество”, “глобальная система” начали использоваться в научных дискуссиях и СМИ. Современные глобальные процессы анализируются теоретиками МСА сквозь призму понятия капиталистической мир-экономики — одной из исторических систем, в рамках которых осуществлялась организация общественной жизни людей на протяжении истории.

В связи с тем, что в последние 15 лет в общественном сознании и социальных науках прочно утвердилась мысль, что генеральной тенденцией мирового социального развития с конца XX века является глобализация как совершенно новый процесс и стадия общественного развития, проблема отношения МСА к дискурсу глобализации представляет собой значительный интерес. Исследование этой проблемы позволяет сопоставить различные точки зрения на процессы, обсуждаемые под рубрикой глобализации, и оценить адекватность понимания сути современной глобальной трансформации в рамках мир-системного анализа, а также критических и просистемных концепций глобализации. Именно это является целью данной статьи. В последнее время в отечественной социологии наблюдается растущий интерес к теме глобализации. Исследованию ее различных аспектов посвящены работы А.Арсенко, Е.Головахи, В.Гирич, Э.Ильюшиной, А.Ручки, Н.Толстых [1–6]. Некоторое внимание, хотя и меньшее, уделяется украинскими социологами исследованию МСА. Здесь можно упомянуть статьи В.Танчера, П.Кутуева [7; 8].

Дискурс глобализации

Единого понимания феномена глобализации, его сути, причин, движущих сил и социальных последствий для будущего человечества как социальной общности в социальных науках не сложилось. Дискурс глобализации представляет собой противоречивую картину, в которой отсутствует согласие даже относительно точного и четкого значения термина, вокруг которого он строится. К представлениям о глобализации можно применить характеристику, высказанную одним из видных американских представителей социологии развития в отношении концепции модернизации, которую, впрочем, считают концептом, родственным глобализации: она подобна слону, которого слепые мудрецы ощупывают с разных сторон и который поэтому может быть описан в различных терминах [9, с.220]. Однако родовой чертой всех концепций глобализации выступает идея усиления взаимозависимости человечества на всех уровнях (локальном, национальном, региональном, глобальном) и во всех измерениях (экономическом, политическом, социокультурном). Большинство исследователей соглашаются с тем, что взаимозависимость выражает существо процесса глобализации, хотя за рамками этого согласия в их подходах могут наблюдаться значительные различия. При этом, когда говорят о глобализации, ее взрыв чаще всего связывают с прогрессивными изменениями в информационных

технологиях, средствах массовой коммуникации и транспорта, с интенсификацией потоков факторов производства, а также с переходом от национального к мировому рынку как главной арене экономической конкуренции. Нередко можно встретить утверждения, что “информационный век” и “глобальный капитализм” представляют собой качественно новую и отличную от предыдущих эпох фазу исторического развития [10; 11].

В то время как одни исследователи считают, что глобализация представляет собой процесс фундаментальной трансформации, ведущий человечество в новую историческую эпоху [12], другие ограничивают анализ глобализации главным образом вопросами международных экономических отношений и полагают, что она не является качественно новым процессом [13]. С точки зрения одних исследователей глобализация открывает огромные возможности экономического роста и улучшения качества жизни [14; 15]. По мнению других, глобализация разрушает условия человеческого существования, подрывает автономию национальных государств, их способность защищать своих граждан посредством регулирования экономических процессов и превращает весь мир в колонию транснациональных корпораций [16;17].

Вместе с тем, под глобализацией нередко имеют в виду практическое воплощение в жизнь того, что Филипп МакМайкл назвал “глобализационным проектом” [18], т.е. политической программы неолиберальной идеологии, принятой на вооружение капиталистическими элитами Запада в период правления администрации Р.Рейгана в США и М.Тэтчер в Великобритании, заявившей что неолиберализму “нет альтернативы” (от этого был произведен лозунг неолибералов TINA — there is no alternative). Суть этой идеологии, торжество коей рассматривается ее адептами как доказательство большей жизненной силы капитализма по сравнению с социализмом, заключается в устранении каких-либо социальных ограничителей, сдерживающих функционирование свободного рынка, с целью обеспечения максимально благоприятных условий накопления капитала. Неолиберальная идеология оправдывала политику дерегулирования, маркетизации, приватизации, массированной атаки на “государство всеобщего благоденствия” и профсоюзы, последовавшей за разрушением Советского Союза, как средство разрешения основных глобальных проблем, с которыми человечество столкнулось в конце XX в.

Все это многообразие мнений можно свести к двум группам концепций. Одна из них, просистемная, рассматривает реально протекающую глобализацию как безусловное благо, другая же, социально-критическая или антисистемная, отнюдь не разделяя точки зрения, что история движется в правильном направлении, стремится сформулировать альтернативный “глобализации сверху” проект “глобализации снизу”.

Однако, несмотря на характеристику глобализации как явления принципиально нового, как качественно новой стадии исторического развития, не вполне ясно, что представляет собой эта стадия — завершающий этап капиталистической современности, полное осуществление европоцентристской модернизации или же начало новой исторической эпохи, четкие контуры которой еще не вполне определились. Чтобы выяснить сущность и степень новизны современной глобализации, необходимо расширить временной горизонт исследования, включив в него весь период развития капитализма. Именно такой исторический подход, охватывающий длительную временную перспективу, присущ МСА и отличает его от всех иных вариантов исследований глобальности. Именно такой подход и в состоянии помочь определить действительное значение современной глобальной трансформации.

Мир-системный подход к исследованию глобальности

Фундаментальные предпосылки, на которых строится МСА, суть таковы:

1. История человеческого общества представляет собой процесс возникновения, развития и смены исторических систем определенного типа. Их определяющими характеристиками являются автономность и наличие пространственных и временных границ.

2. Сущностной характеристикой “современного общества”, то есть современной исторической системы, выступает капитализм, и МСА стремится понять, каким образом капитализм как способ производства структурирует и организует мировое пространство.

3. В отличие от ортодоксального марксизма МСА исходит из того, что подлинный масштаб развертывания капиталистического способа производства задается рамками не нации-государства, а более масштабного социального образования – исторической системы определенного типа, определяемой как современная мир-система (СМС) или капиталистическая мир-экономика (КМЭ). Термин мир-система обозначает не весь мир, а относительно самодостаточное с точки зрения процессов производства и обмена пространство. Мир-система представляет собой целостность, состоящую из взаимодействующих социальных групп, государств, классов, предприятий, домохозяйств, групп идентичности, которые конструируются и реконструируются их взаимодействиями. Таким образом, границы реальной социально-экономической системы и отдельных наций-государств не совпадают. МСА ориентирован на исследование глобальных процессов, предполагающих отношения между группами, действующими на пространстве, не ограниченном территорией национальной государственной организации. Как говорит У. Мартин, “мир-системные аналитики настаивают, что капиталистическое накопление всегда являлось глобальным процессом, в то время как политическое управление осуществлялось посредством множества соотносительно сконструированных институтов” [19, с.240].

4. МСА, исследуя социальную реальность, делает особый акцент на синхронном пространственном аспекте межсоциетальных взаимодействий. В отличие от теории модернизации МСА избегает неоправданной темпорализации пространства КМЭ, то есть связывания разнородных социально-экономических форм, существующих в ее различных, но взаимодействующих географических частях с определенными стадиями развития (например, противопоставления развитых и отсталых обществ). При анализе пространственных взаимоотношений в капиталистической мир-системе (КМС) наибольшее значение МСА придает отношениям между ядром и периферией, понимаемыми соответственно как зоны, являющиеся центрами накопления капитала и подвергающиеся эксплуатации со стороны центров КМС. Возникновение ядро-периферийных отношений – следствие развития капиталистического способа производства. Ядро и периферия составляют две нераздельные стороны единого комплекса накопления капитала в мировом масштабе. Иначе говоря, без периферии с ее производственными, социальными и политическими структурами не может быть ядра с характерными для него производством, социальной структурой и политической системой. Вновь подчеркнем, что ядро и периферия как элементы КМС не связаны непосредственно с ее национально-государственным членением, системой наций-государств. Иначе говоря, капитал в КМС перетекает не от одного государства к другому, а между зонами ядра и периферии, которые перекрывают, накладываются на госу-

дарственные границы; границы зон КМЭ (ядро-периферийная структура) взаимодействуют с территориально-политическими границами (межгосударственной системой) сложным и опосредованным образом. Из рассмотрения ядра и периферии как соотносительных, неразрывно связанных друг с другом сторон КМЭ вытекает, что дихотомия “современное” — “традиционное” общество не способствует адекватному пониманию глобальной социальной реальности. Все общества, входящие в КМЭ, “развитые” и “слаборазвитые”, являются одинаково современными. Разница между ними в том, что одни из них находятся на периферии, а другие принадлежат к ядру. Следовательно, нельзя говорить и о модернизации традиционных обществ, так как периферия обречена на слаборазвитость самим периферийным статусом. КМС устроена таким образом, что в ней невозможно развитие всех обществ одновременно. Ядро-периферийная структура такое же имманентное свойство капитализма, как и классовая. В рамках КМЭ возможно лишь изменение состава этих двух структурных уровней, их пространственное перемещение.

МСА и исследования глобализации имеют одну общую черту: они применительно к настоящему времени говорят о единой мировой экономике как глобальной целостности и неприемлемости нации-государства в качестве единицы анализа. Они также полагают, что с момента кризиса 1970-х годов мировая экономика вступила в период реструктурирования.

Однако МСА и концепции глобализации при исследовании процесса формирования глобальной целостности применяют различный исторический масштаб. И этим объясняются решительность и глубина, с которыми мир-системный анализ преодолевает государствоцентристские представления, что отличает МСА от исследований глобализации, сохраняющих эти представления в числе своих базовых предпосылок. Исследование глобализации исходит из того, что Валлерстайн назвал идеей “расширения экономических кругов” [20]. Это означает, что обычный государствоцентристский взгляд на глобализацию воспринимает общественное развитие как процесс, содержащий два скачкообразных перехода, первый из которых связан с переходом от локальных замкнутых хозяйств к национальной экономике, а второй — от национальных экономик к глобальной экономической системе. Вторым переходом являлся следствием того, что национальные государства, содержащие в себе национальные общества и национальные экономики, по мере прогресса производительных сил вступали в международные политические и экономические отношения, имевшие для национальных обществ-государств характер внешних связей. По мере уплотнения и роста разнообразия международных связей в международной системе в более поздний период (приблизительно с 1945 года) возникает тенденция к интернационализации экономики, перерастающей (с 1970-х годов) в глобализацию. С этой точки зрения глобализация предстает как качественно новый этап в развитии мирового сообщества, когда отдельные национальные общества-государства вследствие усиления международной экономической интеграции сливаются в единую глобальную систему, вытесняющую по мере консолидации нации-государства. Таким образом, в современной истории впервые возникает глобальное производство, глобальный рынок, глобальное общество и глобальная культура. И этот второй переход представляет собой подлинную “глобальную революцию”.

Изменение точки зрения на единицу исследования в МСА (не общество, а мир-система) в совокупности с долгосрочной исторической перспективой приводит к изменению картины исторического процесса глобального развития. Историко-социологические исследования МСА показывают, что капита-

листическая историческая система изначально представляла собой транснациональную социальную целостность, охватывавшую в XVI веке пространство Европы и Латинской Америки, а со второй половины XIX века — глобальную капиталистическую систему, превратившись, таким образом, из автономного мира в историческую систему всего мира [21, с.5].

С точки зрения МСА, весь дискурс глобализации, в том виде в каком он выражается в терминах государственно-центристских подходов, представляет собой чудовищное непонимание современной реальности, обман, “навязанный нам властвующими группами, и, что еще хуже, обман, который мы навязали сами себе... Именно этот дискурс ведет нас к тому, чтобы игнорировать реальные вопросы, стоящие перед нами, и неверно понимать исторический кризис, в котором мы оказались” [22, с.250]. В конце XX века мир действительно вступил в период радикальных преобразований. Однако суть этой трансформации вовсе не сводится к установлению нового глобализованного мира. Скорее всего, это процесс перехода от КМЭ, достигшей пределов структурной экспансии, к качественно новой мир-системе [22; 23].

Вообще представление о том, что глобализация является чем-то новым, появившимся только в 1990-е годы с распадом Советского Союза или несколькими годами раньше, весьма сомнительно, что подтверждается множеством исследований. Например, доля внешней торговли и доходов от иностранных инвестиций в ВВП европейских стран в конце XIX века была выше, чем в конце XX. Прямые иностранные инвестиции росли такими темпами, что в 1913 году их доля в мировом производстве достигала свыше 9%. Этот показатель не был превзойден в начале 1990-х годов. Аналогично, открытость внешней торговли, измеряемая соотношением импорта и экспорта в ВВП страны, была в 1993 году незначительно выше, чем в 1913-м, для всех развитых капиталистических стран, кроме США [24]. Скорость и плотность глобальных сетей транспорта и СМК в настоящее время значительно выше, чем сто лет назад. Однако только в 1990-е годы степень взаимной интеграции национальных рынков посредством торговли, инвестиций, кредитных отношений приблизилась к уровню, достигнутому в начале XX века [13]. Утверждения, что технологический прогресс направляет глобализацию, упускает из виду то обстоятельство, что большинство новых технологий возникли до современной фазы глобализации и были вполне совместимы с кейнсианской политикой стимулирования спроса и роста потребления широких слоев населения.

Если отказаться от идеи сращивания ранее самостоятельных социальных организмов (обществ, государств или цивилизаций) в единый глобальный социально-экономический организм, как тогда может быть рационально осмыслен процесс глобализации с точки зрения МСА?

Из предположения, что реальной единицей исторического процесса являются исторические системы, логически вытекает, что глобализация может рассматриваться с двух взаимосвязанных точек зрения. Во-первых, как пространственная экспансия СМС, а во-вторых, как усиление ее внутренней интеграции. Следовательно, глобализацию нужно рассматривать как процесс, протекающий с того момента, когда КМЭ утвердилась в качестве жизнеспособной исторической системы пять столетий назад. Иными словами, глобализация будет представлять собой процесс, фактически тождественный самому историческому развитию КМЭ, диалектическому процессу реализации изначально глобальной по своей проекции природы капитализма. Таким образом, глобализация действительно не является новым феноменом, и уже XIX век стал свидетелем завершения в основном глобализации в первом смысле, то

есть пространственной экспансии КМЭ и ее превращения в первую во всемирной истории глобальную мир-систему.

Такую концептуализацию глобализации можно обнаружить в работах представителей МСА. С их точки зрения, научное изучение глобализации, если учесть разногласия в этой области исследований, возможно только при проведении четкого различия между глобализацией как объективной структурной тенденцией развития мир-системы и политико-идеологической доктриной “неолиберальной глобализации”. Глобализацию как объективную тенденцию один из ведущих мироаналитиков Кристофер Чейз-Данн предлагает обозначать термином “структурная глобализация” [25]. Под структурной глобализацией понимается увеличение пространственного масштаба, а также плотности и интенсивности сетей человеческого взаимодействия [26]. Если учесть, что под последними Чейз-Данн понимает мир-системы, то структурная глобализация означает увеличение пространственных масштабов мир-системы и интенсивности взаимодействий в ней. Глобализация, таким образом, представляет собой долговременный структурный процесс инкорпорации и пространственной интеграции ранее слабо связанных или не связанных между собой вовсе народов и регионов планеты в КМС. Из этого также следует рассмотрение глобализации не как уникального и нового феномена, а как неотъемлемого структурного свойства мир-системы. Глобализация представляет собой восходящий вековой тренд политических и экономических изменений, испытывающий циклические колебания, то есть имеет волновую природу. В истории КМЭ волны глобализации сменяются волнами деглобализации, или фрагментации [25; 27; 28, с.376–377]. Технологический прогресс и расширение мировой торговли и инвестиций являются составной частью указанных долгосрочных тенденций.

Относительно периодизации волн глобализации между мироаналитиками нет значительных расхождений. Чейз-Данн и его коллеги, анализируя динамику мировой торговли и инвестиций за предшествующие 200 лет, приходят к выводу, что приблизительно с 1800 года КМЭ пережила по крайней мере две волны экономической глобализации — во второй половине XIX в. и после Второй мировой войны. Две волны глобализации были разделены периодом фрагментации, прерванной новой непродолжительной вспышкой глобализации в 1920-х годах. Этот период включал в себя упадок гегемонии Великобритании, великую депрессию 1873–1896 годов, Первую мировую войну, революцию в России, мировую депрессию 1930-х гг., возникновение фашизма, Вторую мировую войну и деколонизацию периферии [29]. Эти выводы в значительной степени подтверждаются исследованиями другого мироаналитика Т.Сю, изучавшего фазы глобализации длинных экономических циклов сквозь призму структуры мировых торговых сетей. С его точки зрения, фазы глобализации характеризуются торговой взаимозависимостью между основными центрами мировой торговой системы и наличием многосторонних отношений, в то время как фазы фрагментации — ослаблением торговых взаимосвязей между центрами мир-системы и формированием закрытых торговых блоков, в рамках которых устанавливаются иерархические отношения между какой-либо державой ядра и полу- и периферийными странами, с которыми она устанавливает привилегированные отношения. Сравнивая структуры сетей мировой торговли в 1928, 1938, 1960 и 1999 годах, Сю подтверждает выводы Чейз-Данна и его коллег о том, что 1920-е годы были временем мировой торговой интеграции, сменившейся ее резким упадком в 1930-х годах, за которыми последовал новый период глобализации в 1960-х. Однако его оценка нынешней структуры мировой системы торговли отличается от выводов дру-

гих мироаналитиков, исходивших из того, что мир-система переживает в настоящее время новую крупную волну экономической глобализации [30; 31; 33]. Его исследование показывает, что современная структура мировой торговли в значительной степени фрагментирована и больше похожа на структуру мировой торговли 1938 года, т.е. периода фрагментации мировой экономической системы, чем на структуру 1960 года, характеризовавшуюся преобладанием глобализационных тенденций. В свою очередь, последняя имеет сходные черты со структурой мировой торговой системы в 1928 году. Это был последний год периода, рассматриваемого как временное восстановление предшествующей фазы торговой глобализации британского цикла мировой гегемонии [28; 29].

Так выглядит картина, если рассматривать процесс только экономической глобализации и только за относительно короткий 200-летний период времени.

Однако экономическая глобализация — это лишь один из аспектов структурной глобализации, связанный с ее другими измерениями — политической и культурной глобализацией.

Политическая глобализация представляет собой институционализацию международных политических структур, регулирующих политические и экономические процессы и взаимодействия в КМЭ.

В последнее время много говорят о возникновении феномена “глобального правления”, представляющего собой восходящую тенденцию постепенного развития наднациональных политических институтов, в которых концентрируется суверенитет, ранее принадлежавший национальным государствам. Эта тенденция, которую усматривают в переходе от Вестфальской системы к “европейскому концерту” XIX века, Лиге наций и ООН, должна впоследствии привести к образованию “мирового государства”. В подтверждение правильности этого наблюдения обычно отмечают образование и последующее усиление власти Бреттон-Вудских институтов (МВФ и ВБ), преобразование Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) во Всемирную торговую организацию (ВТО), деятельность Трехсторонней комиссии, Большой семерки, Всемирного экономического форума. Кроме того, в подтверждение формирования глобального правления и так называемого глобального гражданского общества некоторые исследователи указывают на значительный рост негосударственных международных организаций [32].

Перспективы развития феномена глобального правления в направлении вытеснения национальных государств оцениваются в МСА достаточно осторожно, если не скептически. С точки зрения Валлерстайна, “глобальное правление” не может рассматриваться как результат упадка сильных государств вследствие подъема могущественных наднациональных организаций. Здесь имеется обратная связь: могущественные наднациональные организации, подобные МВФ, ВБ и ВТО, существуют постольку, поскольку существуют могущественные государства, их поддерживающие [33, с.25]. С этой точки зрения развитие феномена глобального правления правильнее рассматривать как выражение тенденции роста сложности, масштабов и власти организующих центров КМЭ, то есть мировых гегемоний, по мере ее эволюции.

Действительно, создание ООН, которой в американских проектах послевоенного мирового порядка отводилась роль мирового правительства под американским контролем, Бреттон-Вудских институтов, ГАТТ и его последующее преобразование в ВТО осуществлялись по инициативе мирового гегемона нынешней стадии развития КМЭ — Соединенных Штатов Америки — и эти институты в весьма значительной степени представляли собой инструменты

власти США в мир-системе. Таким же образом инициатива создания Трехсторонней комиссии исходила от деловых и политических элит США. И точно так же, хотя первоначально инициатором проведения ежегодных совещаний глав семи крупнейших капиталистических государств выступил французский президент В. Жискара д'Эстен именно для ограничения власти США, ведущую роль в Семерке играли и продолжают играть США. Даже возрастание роли таких наднациональных органов, как МВФ и ВБ, в сфере регулирования миро-экономических отношений между Севером и Югом в 1970–1980-х годах отражает не только факт ослабления гегемонии США в СМС, но и изменение ими стратегии осуществления своей гегемонии в условиях фазы финансовой экспансии, перехода к “коллективному империализму” пока еще при главенствующей роли Соединенных Штатов. По мере же дальнейшего упадка американского гегемонизма не следует исключать возможности преобразования или даже упразднения институтов, являющихся каркасом структуры американоцентристского мирового порядка.

Более конкретно процесс глобализации, учитывая точки зрения различных течений в самом МСА, в общем виде можно описать следующим образом. С точки зрения А.Г.Франка и Б.Гиллса существовавшая с III тысячелетия до н.э. полицентричная мировая афроевроазиатская система, включив с 1492 года американский континент, превратилась в глобальную систему, в которой на несколько столетий утвердилась гегемония Запада [34; 35]. В последнее время, однако, наблюдаются признаки упадка Запада и перехода гегемонии к Восточной Азии. В результате мировая система вновь, как несколько столетий назад, станет синоцентристской. Если же, однако, принять точку зрения других мироаналитиков о существовании в рамках мировой системы (при этом и оценка степени целостности этой мировой системы по сравнению с мировой системой Франка будет снижена) множества хотя и взаимодействующих, но автономных и качественно различных мир-систем, то картина глобализации должна претерпеть существенные изменения. В этом случае мировая торговая афроевроазиатская система будет представлять собой совокупность множества мир-систем регионального масштаба. Эта мировая система была мультицентричной. В ней имелось три не соприкасающихся друг с другом центральных региона (Западная Азия, Индия, Китай), связанных посредством, главным образом, обмена престижными товарами. Европейская мир-система занимала по отношению к этим центрам полупериферийное (Чейз-Данн) или периферийное (Амин) положение. С момента преобразования европейской феодальной мир-системы в КМЭ, аспектом которого было открытие Нового света, положение начало изменяться. Опираясь на ресурсы Америки и благодаря более быстрому технологическому прогрессу, который стимулировался как процессами капиталистического накопления, так и межгосударственным соперничеством в самой европейской мир-экономике, КМЭ шаг за шагом инкорпорировала, главным образом посредством колониальных войн, все другие мир-системы. Их население, материальные и природные ресурсы были подчинены логике накопления капитала. Они были мобилизованы для участия в процессе капиталистического накопления в рамках колониальной экономики, периодически реорганизуемой изменяющейся игрой геополитических и экономических сил в ядре СМС. В результате произошло изменение глобального геополитического и геоэкономического ландшафта. Современная глобальная КМС представляет собой моноцентричную систему в отличие от существовавшей ранее полицентричной афроевроазиатской мировой системы до установления в ней европейской гегемонии. Это, безуслов-

но, снижает возможности других регионов изменять ситуацию, характеризующуюся фундаментальным неравенством, и делает реализацию гегемонии в СМС более полной. Следовательно, глобализация как длительный исторический тренд неотделима от империализма, ибо разворачивалась в системе, изначально представляющей собой диалектическое единство господствующего ядра и управляемой периферии, и в контексте существования государств, обладающих различной властью в КМЭ.

Таким образом, в МСА процесс глобализации понимается структурно как формирование глобальной системы стратификации, цель которой заключается в создании максимально благоприятных условий для процесса накопления капитала в мировом масштабе. Эта система состоит из политически и экономически господствующего ядра и зависимых периферийных и полупериферийных регионов, из которых лишь немногие смогли улучшить свое положение в расширяющейся по мере экспансии системы ядро-периферийной иерархии. Положение же большинства остальных со структурной точки зрения не изменилось. Структурное понимание процесса требует усмотрения преемственности и постоянства базовых структур СМС в процессе ее развития. Ядро-периферийная иерархия КМЭ сохраняется, несмотря на то, что отдельные государства совершают в ней восходящую или нисходящую мобильность. Иерархическая межгосударственная система не исчезает, хотя растущая интернационализация капитала и может ограничивать возможности государств по строительству и укреплению национальных экономик. Социально-классовая структура продолжает существовать, несмотря на возникновение новых фракций капитала или сегментов наемного труда, новых статусных групп, новых моделей классовых взаимоотношений.

Рассмотрение феномена глобализации в долгосрочной исторической динамике, что является наилучшим способом выявления новых тенденций в развитии исторической системы, позволяет сделать вывод о том, что глобализация представляет собой не новую стадию в развитии капитализма, а, используя выражение Арриги, периодическую тенденцию и эволюционную модель мирового капитализма с самого начала Нового времени. Новизна же нынешней волны глобализации заключается в том, что эта эволюционная модель, посредством которой КМЭ превратилась в глобальную капиталистическую систему, зашла в тупик [24; 30]. Несмотря на песнь неолиберальных сирен и все разглагольствования о новизне глобализации и пришествии «нового прекрасного мира» со всеми благами постиндустриальной цивилизации, мироаналитики утверждают, что если исходить из долгосрочной перспективы, учитывающей структурные константы, циклические процессы и вековые тренды, действующие в КМС в течение столетий, то можно сделать вывод, что в логике развития мир-системы не произошло никаких значительных трансформаций. «Хотя сегодня и модно говорить о глобализации как феномене, возникшем самое раннее в 1970-х годах, — говорит И.Валлерстайн, — на самом деле транснациональные товарные цепочки были весьма протяженными с момента возникновения системы и глобальными со второй половины XIX века. Разумеется, усовершенствование технологии дало возможность перевозить разнообразные товары в большем количестве и на огромные расстояния. Однако я утверждаю, что в структурировании и механизме действия этих товарных цепочек в XX веке не происходило никаких фундаментальных изменений и, скорее всего, никаких изменений не произойдет вследствие так называемой информационной революции» [36]. Расцвет ТНК как нового вида организационных единиц также не означает радикальных изменений в спосо-

бе функционирования КМЭ. Транснациональный капитал был в той или иной форме развит с самого начала существования КМЭ и составлял неотъемлемое условие ее исторической эволюции. Одной из его ранних форм были капиталистические диаспоры итальянских купцов-банкиров, а также великие монопольные торговые компании XVII—XVIII веков, организовавшие производство и обмен в трансконтинентальных масштабах и игравшие важную роль в развитии целых регионов мира. Конечно, ТНК представляют собой новую ступень в процессе концентрации и централизации капитала и более развитую форму транснационального капитала. Но их возникновение и рост отражают давнюю историческую тенденцию КМЭ, хотя и не носившую линейного характера, но неуклонно двигавшую КМЭ в направлении все большей “свободы движения факторов производства”. Оно также не изменяет отношений между капиталистическими предприятиями и государственными структурами. Как отмечает Валлерстайн: “Транснациональные корпорации сохраняют сегодня то же самое структурное положение по отношению к государствам, какое занимали все их глобальные предшественники от Фугтеров и Голландской Ист-Индской компании до манчестерских фабрикантов XIX века. Они одновременно нуждались в государствах и боролись с государствами. Они нуждаются в государствах для того, чтобы гарантировать их глобальные попытки монополизации и, следовательно, высокие уровни прибыли, а также для того, чтобы помочь им ограничить требования рабочих. Они борются с государствами, поскольку государства действуют как защитники устаревших интересов или слишком склонны позитивно реагировать на давление рабочих. Я не вижу ничего фундаментально отличного в этом отношении в 1994 году от 1894, 1794 или даже 1594 года. Да, сегодня существуют факсы, более быстрые, чем телеграф... Но базовые экономические процессы остаются теми же самыми... То, что изменилось за последнее время, — это не экономика мир-системы, а ее политика” [33, с. 24–25].

С этой точкой зрения трудно не согласиться. Новизна нынешней волны глобализации заключается в не имеющих прецедентов масштабах и скорости обращения капитала и товаров, особенно финансовых потоков в условиях дерегулирования экономики. Технологические изменения особенно в средствах массовой коммуникации — основной фактор, приведший к возрастанию скорости движения капитала. Однако размеры и масштаб движения капитала обусловлены в большей мере политическими, чем технологическими изменениями. Гибель “реального социализма”, переход антиимпериалистических и лево-популистских режимов развивающихся стран под давлением господствующих сил КМС к политике дерегулирования и приватизации, демонтаж государства всеобщего благоденствия в государствах ядра расширили возможности накопления прибыли, открыли новые рынки и новые сферы приложения капитала. Этот политический триумф является центральным элементом, объясняющим впечатляющий прогресс современного периода глобализации по сравнению с периодами второй половины XIX — начала XX века.

Исследования Арриги также демонстрируют, что транснациональный финансовый капитал является важнейшим компонентом социальных блоков, занимающих командные высоты мирового капитализма с XIV века, и его расцвет был типичен для поздних фаз системных циклов накопления капитала [30; 37]. На изначально транснациональный характер капитализма указывал и Ф.Бродель [38].

Однако тезис мироаналитиков о неизменности базовых процессов и структур КМЭ нельзя воспринимать как утверждение о том, что капитализм

оставался неизменным на протяжении своей истории. Причина, по которой теоретики МСА подчеркивают устойчивость и преемственность в развитии КМЭ, заключается скорее в том, что подобные высказывания направлены прежде всего против сверхоптимистических иллюзий неолибералов-технократов, полагающих, что с началом “глобализации” и информационной революции начинается качественно новый этап в развитии мировой цивилизации и к социальному образованию, возникающему в результате “глобальной революции”, термин “капитализм” более неприменим. Это — постиндустриальное, постсовременное, информационное общество. С этой точки зрения, мир-аналитики, безусловно, правы: так называемая информационная революция еще не выводит человеческое общество за рамки капиталистической исторической системы.

Сопоставление картин исторической реальности, созданных в рамках МСА и в рамках концепций глобализации, позволяет сделать вывод о существующих между ними глубоких теоретико-методологических расхождениях в понимании сути современных процессов развития мирового сообщества. Несмотря на то, что благодаря мир-системной перспективе социология “шла в ногу с глобализацией мировой экономики” [39, с.319] и оформление МСА “несомненно, подготовило почву для глобализации в социальных науках” [16, с. 149], исследования глобализации и МСА являются конкурирующими подходами к современной социальной реальности. Следует также отметить, что изображение процессов, объединенных под рубрикой глобализации, в МСА отличается большей реалистичностью и лучше способствует пониманию их сути. Избранная концепциями глобализации временная перспектива недостаточна, чтобы можно было увидеть, что капитализм изначально представлял собой транснациональную, а с конца XIX века и глобальную систему; что транснациональные практики и институты, транснациональные классы с самого начала и в течение столетий играли ключевую роль в КМЭ; что транснациональные товарные цепочки, в рамках которых осуществлялась интеграция специализированных процессов производства в мировом масштабе, являлись составной частью функционирования КМЭ с самого момента ее зарождения, и в истории этой исторической системы не было периода, когда бы “общества” и государства развивались вне системы взаимодействий и могли бы быть уподоблены сталкивающимся бильярдным шарам. При этом МСА всегда указывал на то, что межгосударственная система является лишь одной из институциональных структур СМС. Мир-система представляет собой целостную систему отношений, вовлекающую в свой институциональный водоворот отношения между индивидами, домохозяйствами, регионами, зонами, классами, движениями, расами, этнонациями, предприятиями, фирмами, а не только государствами. Транснациональные социальные взаимодействия, осуществляемые всеми этими социальными акторами поверх государственных границ, были необходимым элементом жизни СМС в течение столетий. В противоположность точке зрения исследований глобализации, точка зрения МСА, указывающего на важную роль транснациональных сил уже при генезисе капитализма, исторически более верна. Поэтому вряд ли корректно говорить о возникновении транснациональных связей, интернационализации и т.д. как о явлениях и процессах недавнего времени, но можно говорить об усилении и уплотнении этих связей, их экстенсивном и интенсивном росте по мере эволюции КМЭ и выделять определенные стадии в развитии этого процесса.

Вполне естественно, что с точки зрения МСА глобализация как аналитическое понятие выглядит лишенной смысла и несколько не способствует адекватному осмыслению современной социальной реальности. В том виде, в каком

это понятие сконструировано в исследованиях глобализации, оно представляет собой часть идеологической проповеди правящих классов. В этом отношении особую критику мироаналитиков вызывает тезис, высказываемый сторонниками неолиберализма, что глобализация и создание глобального свободного рынка, сопровождаемое развитием информационных технологий, способны обеспечить повсеместный экономический рост и процветание во всех уголках планеты, что в конечном итоге глобализация ведет к конвергенции уровней экономического и социального развития стран Севера и Юга, а также к гомогенизации социальной структуры и политических систем и повсеместному утверждению либерально-демократических режимов.

Ответ МСА заключается в том, что подобная интерпретация социального мира противоречит логике капиталистического накопления и действительно совершающемуся процессу. Несмотря на многочисленные утверждения о том, что всемирная конвергенция вследствие глобального реструктурирования капитализма устраняет структурное деление на Север и Юг, ядро и периферию [12, с.27–28], работы теоретиков МСА, основанные на исследовании значительного эмпирического материала, убедительно показывают, что ядро-периферийная структура, пока существует КМЭ, должна сохранить свою устойчивость в будущем и приобрести более выраженный характер. Индустриализация периферии, являющаяся частью глобализации, не означает уничтожения поляризации и иерархии по оси ядро—периферия. Это может самое большее означать, что в настоящее время противоположность между ядром и периферией перестала быть тождественной противоположности между индустриально-развитыми странами и странами, специализирующимися на аграрном производстве или добыче сырья. Тем не менее, с одной стороны, индустриализация периферии не сопровождается конвергенцией уровней дохода и богатства населения первого и третьего мира, и разрыв между Севером и Югом в этом отношении остается фундаментальным измерением современной глобальной динамики [40, с. 11–39]. С другой стороны, это свидетельствует о возникновении новых форм поляризации, новой оси, вокруг которой реорганизуется КМС.

С точки зрения С.Амина, новые формы поляризации будут возникать на основе пяти новых монополий, которыми будут обладать государства ядра. Речь идет о:

- 1) контроле над технологией;
- 2) контроле над глобальными финансовыми потоками (посредством банков, страховых компаний и пенсионных фондов центров КМЭ);
- 3) привилегированном доступе к природным ресурсам планеты;
- 4) контроле над средствами массовой информации и коммуникации;
- 5) обладании оружием массового уничтожения [41, с.12].

В конечном итоге, паразитизм и неравномерность развития различных отраслей экономики и стран являются законом развития капитализма, будучи как причиной роста, так и причиной его нестабильности как исторической системы. Критика МСА неолиберальных концепций глобализации подтверждает старый марксистский тезис в новых исторических условиях с использованием новых данных. На протяжении столетий капитализм играл в истории поляризирующую роль, почему же теперь он должен стать “великим уравнителем”? Наоборот, по мере приближения к границам внешней и внутренней экспансии и ухудшения условий капиталистического накопления эксплуататорская природа этой социальной системы должна проявляться все отчетливее, что фактически и происходит. Растущий разрыв между богатыми и

бедными, который к настоящему времени, по данным отчетов ООН о человеческом развитии, достиг гротескных соотношений, устраняет всякую почву из-под утверждений о том, что прилив глобализации поднимает все лодки и создает равные возможности для всех наций в открытой глобальной экономике. Вполне понятно желание защитников системы отыскать для нее средство вечной молодости. Однако глобализация не является таким средством, поскольку именно она вводит КМЭ в заключительную и конвульсивную фазу ее существования.

Школа мысли, претендующая на научность, никогда не останавливается на поверхностной фиксации и описании явлений, а стремится к объяснению их сущности и причин и рассматривает явления в их внутренней систематической взаимосвязи. МСА не просто фиксирует смену волн глобализации волнами фрагментации, но и стремится объяснить эту смену как результат процесса развития системы, раздираемой действием противоречивых тенденций. Так, в КМЭ действует тенденция к созданию единой глобальной экономической системы, обуславливаемая развитием общественных производительных сил, развитием и углублением мирового разделения труда. Однако действует и противоположная тенденция к разъединению, обусловленная господством частнособственных производственных отношений и существованием системы наций-государств. Развитие производительных сил объясняет глобализацию как долгосрочный, устойчивый, восходящий тренд мир-системы, то есть причины, по которым каждая последующая волна экспансии (внешней и внутренней) КМЭ по своим масштабам превосходила предыдущую и выводила ее на новый уровень развития, так что мир-система никогда не возвращалась к предшествующему состоянию. Однако чем объясняется волнообразный характер процесса интеграции КМЭ? Системной переменной, которая объясняет цикличность глобализации, является связь волн глобализации—фрагментации со сменой периодов политико-экономической централизации и децентрализации КМС, принимающей форму установления и распада иерархических мировых порядков. Иначе говоря, периоды глобализации — в смысле усиления интенсивности экономических взаимодействий в мир-системе — представляют собой периоды существования в КМС стабильных структур (режимов) накопления капитала в мировом масштабе, поддерживаемых гегемонистскими комплексами.

Практически все мир-системы испытывают циклические смены фаз политической централизации и децентрализации, принимавших в более ранние исторические эпохи формы образования и распада мировых империй. В КМЭ это циклическое чередование происходит в виде подъема и упадка гегемонистских держав ядра, навязывающих гегемонистские мировые порядки. Как показывают исследования Арриги и его коллег [30; 37], по мере развития КМЭ происходит усложнение и возрастание масштабов и мощи гегемонистских комплексов, объединяющих государственные структуры и капиталистические агентства (блоки правительственных и капиталистических агентств), которые выступают организующими центрами КМЭ и вводят новые модели ее развития. Эти модели (режимы накопления капитала в мировом масштабе) представляют собой основание для выделения отдельных стадий развития КМС и составляют основу для системных циклов накопления капитала.

Государство-гегемон стремится к созданию открытой глобальной либеральной экономики, интегрированной в рамках гегемонистского мирового порядка. Оно является главным защитником политики и идеологии свободной торговли и “открытых дверей” ввиду огромных преимуществ, которыми обладает его экономика, по сравнению с конкурентами, и подталкивает все другие

государства принять свободную торговлю в качестве официальной политики. Ведущую роль в навязывании политики “открытых дверей”, стимулирующей рост международной торговли и инвестиций, играют фракции либеральных интернационалистов, стоящие во главе правящих классов государства гегемона и его союзников. В XVII веке наибольшими сторонниками идеологии свободы торговли были правящие группы Голландии. В XIX веке Великобритания прилагала наибольшие усилия, с тем чтобы принудить другие государства ядра либерализовать торговую политику. А после Второй мировой войны Соединенные Штаты были главными сторонниками сокращения протекционистских тарифов и других нерыночных барьеров, препятствующих свободному движению товаров и инвестиций. Таким образом, глобализация, помимо того, что она является объективным процессом экспансии и интеграции мир-экономики, представляет собой также стратегию правящих и господствующих групп государства-гегемона, их политический проект создания гегемонистского мирового порядка, в котором за ними закреплена роль политического центра мира и центра глобального процесса накопления капитала.

Успеху реализации глобализационного проекта способствует то обстоятельство, что государство-гегемон обладает способностями и ресурсами для принуждения правящих классов к мирному сотрудничеству и взаимодействию на основе правил и норм, выработанных гегемоном и воспринимаемых как консенсусные, отражающие интересы всех правящих групп ядра. Здесь значительную роль играет фактор культурно-идеологической гегемонии, выражающейся в разработке и распространении универсалистской идеологии, в которой гегемонистский порядок легитимируется посредством обращения к общим ценностям и идеалам. Либеральный интернационализм британской гегемонии, американская идеология “свободного мира” после Второй мировой войны, глобальный неолиберализм — все это примеры идеологического аспекта мировых гегемоний.

Из того, что государство-гегемон стремится к созданию открытой глобальной экономики, не следует, что оно в такой же мере открывает и собственную экономику. Великобритания действительно является примером односторонней либерализации собственной торговли, как способа заставить другие правительства следовать практике свободной торговли. Однако международный экономический режим, созданный в рамках американоцентристского мирового порядка, оставил в руках правительства США контроль над темпом и направлением либерализации торговли, и в целом США меньше стремились к осуществлению либерализации на многосторонней основе и больше — на основе множества двухсторонних соглашений [37].

Исследования, проводимые представителями МСА, демонстрируют совпадение фаз глобализации и фаз гегемоний в КМС. Подъем и упадок гегемонии Великобритании в XIX веке в точности соответствуют волне глобализации XIX века, в то же время волна глобализации века XX совпадает с развитием полной гегемонии США. Мироналитики отмечают также, что с конца 1960-х гг. начался процесс постепенного упадка американской гегемонии, и, по идее, это должно вести также и к смене периода глобализации периодом фрагментации мир-экономики. Однако именно 1970–1990-е годы и обозначают как собственно период глобализации, характеризующийся бурным развитием ТНК и транснационального финансового капитала. Последний по времени период послевоенной волны глобализации, осуществляемой в форме неолиберальной глобализации, аналогичен, с точки зрения теоретиков МСА, периоду глобализации конца XIX — начала XX в., когда приходящий в упадок гегемон изменил страте-

гию сохранения своей власти в КМС, переключаясь на использование своего превосходства как финансового центра мир-экономики и продолжал реализацию гегемонистского проекта глобализации, в то время как его соперники в ядре склонялись к экономическому национализму и меркантилистской политике. Действие этой противоречивой тенденции объясняет имеющиеся расхождения в оценке периода конца 1990-х годов как продолжения послевоенной волны глобализации (с точки зрения количественных показателей роста объемов инвестиций, торговли и открытости торговли) или как периода фрагментации глобальной экономической системы (с точки зрения изменения структуры мировой торговой системы и возникновения нескольких полу-закрытых иерархических политико-экономических блоков). Скорее всего, КМЭ находится в ситуации, когда упадок мировой гегемонии еще не зашел слишком далеко, центростремительные процессы пока еще уравнивают центробежные и сохраняется инерция глобализации. Однако уже четко прослеживается тенденция к экономическому обособлению и стремлению освободиться от гегемонистской опеки, содержащая в себе зерна грядущего периода фрагментации КМЭ. С этой точки зрения процесс европейской интеграции, формирование НАФТА и ФТАА следует рассматривать как образование новых, более крупных и более интегрированных соперников в борьбе за гегемонию, а не как рост региональных блоков открытой глобальной экономики.

Таким образом, рассмотрение взаимодействия процесса экспансии и внутренней интеграции КМЭ с циклами возникновения и упадка мировых гегемоний приводит к выводу, что структурная глобализация КМЭ осуществляется посредством создания гегемонистских мировых порядков возрастающего масштаба и сложности. Наряду с ТНК и ТНБ, поддерживаемыми международными финансовыми институтами, движущей силой глобализации выступает имперское государство, навязывающее в интересах правящих классов определенную модель накопления капитала в мировом масштабе.

Поскольку глобализация представляет собой восходящую тенденцию, то каждая новая волна в развитии этого процесса не просто воспроизводит инвариантную структуру КМЭ, но воспроизводит ее в новых формах. Задача долговременного структурно-исторического анализа как раз и заключается в том, чтобы выявить не только устойчивые, повторяющиеся, но и новые явления, которые несет с собой каждая последующая волна глобализации. Поэтому исследование современной волны глобализации должно дать ответ на вопрос, что нового есть в ней по сравнению с предыдущими волнами и насколько это новое соответствует эволюционной модели, которую можно выделить в последовательности стадий развития КМЭ. Ответ МСА в свете исследования циклических процессов и устойчивых тенденций развития КМЭ заключается в том, что особенность новой волны глобализации состоит в доведении эволюции КМЭ до границ, за которыми количество (пространственная и структурная экспансия) переходит в качество и начинается процесс трансформации капитализма в новую историческую систему. Насколько этот диагноз современного состояния глобальной КМЭ как фазы системного кризиса соответствует действительности?

Данный вывод имеет под собой достаточно веские основания. Прежде всего следует отметить, что паутина экономических связей, созданная капитализмом, постепенно разрастаясь и уплотняясь, в настоящее время образует единую ткань глобальной капиталистической экономики, переработавшей все некапиталистические социальные организмы и заполнившей собой все пространство земного шара. Она, следовательно, достигает предела экстенсивного развития,

езде наталкиваясь на собственные границы. Ее дальнейшее развитие возможно только посредством преобразования в новую историческую систему. Включение в КМЭ территорий, являвшихся частью системы “реального социализма”, несомненно, продлит ей жизнь. Но как надолго?

С другой стороны, коммерциализация, то есть прогрессирующее превращение всех аспектов и условий человеческого существования в объект рыночных операций также не безгранично. Его пределом является превращение в товар так называемых общих благ (земли, водных ресурсов и т.д.), и в настоящее время оно достигает этого предела. Таким образом, историческая система капитализма лишается резервов расширенного самовоспроизводства, и это служит признаком того, что капиталистическая модель развития исчерпана, и прямо ставит вопрос о переходе к новому типу развития как условию выживания человечества.

Точка зрения, что нынешний кризис представляет собой не просто циклический спад, а не имеющий аналогов в прошлом кризис воспроизводства капиталистической системы, затрагивающий социальный, политический и культурный контекст, необходимый для выживания и процветания глобального капитализма, все шире признается в мировых академических и общественных кругах и достаточно хорошо документирована [12; 16; 17; 42].

Экономическое измерение кризиса, выражающееся в замедлении темпов роста мировой экономики, снижении роста производительности труда, падении нормы прибыли и прибылей корпораций, возрастающей макроэкономической нестабильности (которая проявляется в череде финансовых кризисов и банкротств корпораций), дополняется кризисом социального воспроизводства. Представления о масштабах этого кризиса дают данные Программы развития ООН и других международных организаций. В то время как достижения научно-технического прогресса открывают возможности для вхождения в эру повышения социального благополучия и культурного развития, мы наблюдаем массовые бедствия — нищету, голод, эпидемии, войны, являющиеся постоянными условиями жизни двух третей человечества, проживающих в странах “третьего мира” и с так называемой “переходной экономикой”. Быстрыми темпами идет уничтожение природных ресурсов планеты во имя максимизации прибылей ТНК; снижается уровень жизни и растет массовая хроническая безработица в так называемых развитых странах. Выступая на Всемирной встрече глав государств и правительств по проблемам социального развития, борьбы с бедностью и социальной несправедливостью (Копенгаген, март 1995 года), генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали отметил, что “мир страдает от социального и морального кризиса, который во многих странах приобрел огромные размеры. После окончания “холодной войны” на планете грозит воцариться “холодный мир”. Во все большем числе стран наблюдается социальная и политическая нестабильность. Долгожданная социальная гармония, богатство и благополучие по-прежнему остаются мечтой там, где расширяются масштабы бедности, растут безработица и социальная незащищенность большинства населения” [цит. по: 43, с.87]. Около 100 развивающихся стран и стран с “переходной экономикой” испытывают замедление темпов экономического роста, стагнацию или спад, а доходы более чем 1 млрд человек, проживающих в 80 развивающихся странах, в настоящее время ниже, чем они были 10 или даже 30 лет назад. При этом нередко дела хуже всего обстоят в странах, в наибольшей степени интегрированных в глобальную экономику, как, например, в странах Африки Южнее Сахары, где доля экспорта в ВВП составляет 30%, по сравнению с 20% в индустриально развитых странах. Разрыв по уровню доходов меж-

ду богатыми и бедными на земном шаре достиг чудовищных размеров. К середине 1990-х годов доля $\frac{1}{5}$ беднейших слоев населения Земли в мировом валовом продукте снизилась с 2,3% в 1960-м до 1,4% в 1991-м и 1,1% в настоящее время, в то время как доля $\frac{1}{5}$ самых богатых слоев возросла до 84,7%. Соотношение уровней доходов 20% наиболее богатого и 20% наиболее бедного населения планеты увеличилось с 30 : 1 в 1960 году до 60 : 1 в начале 1990-х годов и к 1995 году составляло 74:1. К 2015 году по прогнозам ООН оно достигнет соотношения 100 : 1. Азиатский финансовый и экономический кризис усилил маргинализацию беднейших стран. $\frac{1}{5}$ населения Земли использует 85% планетарных ресурсов, в то время как 1,3 млрд человек живут в условиях абсолютной нищеты на 1 доллар в день, а еще 2,8 млрд — на 2 доллара в день, 840 млн человек, в том числе 160 млн детей, голодают или страдают от недоедания. Около 200 млн человек в мире — безработные, около 700 млн — частично занятые, 1 млрд — неграмотны. Около 1,5 млрд человек не имеют доступа к безопасным источникам питьевой воды. Социальная ситуация ухудшается также и на богатом Севере, где около 100 млн человек живут ниже черты бедности и 37 млн не имеют работы. К этому следует добавить рост числа политических эмигрантов и жертв межэтнических конфликтов с 8 млн в конце 70-х годов до 23 млн в середине 1990-х [44; 45]. Все это позволило эксперту ЮНЕСКО и директору исследовательского центра Парижской школы высших социальных исследований Игнасио Саксу заявить: “Похоже, что бедные больше не нужны богатым. Поэтому они рискуют навсегда остаться на обочине социальной жизни. Каждый пятый на земном шаре страдает от голода. Каждый четвертый не имеет доступа к питьевой воде. Каждый третий живет в условиях крайней нищеты... Социальный и экономический кризис в различных формах и с разной степенью интенсивности поразил все страны. Мы живем в эпоху исчерпания реализованных моделей социально-экономического развития” [46, с.90].

Процессы, происходящие на земном шаре, подрывают убежденность в неизбежности прогресса и процветания, лежащую в основе неолиберальной риторики по поводу “нового мирового порядка”, приход которого некогда возвещал Дж.Буш-старший. Иначе говоря, речь идет о начавшемся кризисе легитимности капиталистической системы, то есть о тщетности всех попыток идеологии правящих элит убедить людей в способности неолиберальных реформ разрешить проблемы социального развития. Катастрофы “структурных перестроек”, навязанных МВФ, цепная реакция финансовых кризисов, поразивших Мексику, Восточную Азию, Бразилию, Аргентину и Россию, провал рыночных реформ в Латинской Америке, Африке, Восточной Европе и в “постсоветском пространстве” окончательно подрывают шаманскую неолиберальную веру в магические свойства свободного саморегулирующегося рынка. Утверждение глобализированной системы рыночной деспотии мобильного капитала над массами трудящихся приводит к усилению их эксплуатации в индустриально развитых странах и сверхэксплуатации во всех остальных регионах мира. Необходимым следствием установления такого экономического режима является становление в этих регионах планеты неолиберальных репрессивных политических режимов под вывеской либеральных демократий. Несмотря на наличие формально-демократических процедур, массы населения здесь фактически исключены из участия в процессе принятия политических решений, а вся власть сосредоточена в руках бюрократических и финансово-олигархических группировок. По отношению к подобным режимам нередко используют термины “демократия низкой интенсивности” или “полиархия” [47; 48]. У.Робинсон и Б.Гиллс отмечают, что “демократию низкой интенсивности”, навязываемую

глобальными и национальными неолиберальными элитами, нужно рассматривать как такую форму политического режима, при которой элиты манипулируют электоральным процессом, легитимирующим государственную власть, и таким образом получают возможность предотвращать более радикальные политические альтернативы, которые могли бы угрожать сохранению в их руках власти и богатства. У. Робинсон убедительно доказывает, что полиархия и осуществляемая США «поддержка демократии» (democracy promotion) являются политическими формами, в наибольшей степени соответствующими глобализированной неолиберальной мировой экономике, в которой капитал обладает полной свободой перемещаться туда, где он получит наибольшие прибыли [48]. В свою очередь, Б. Гиллис утверждает, что «демократия низкой интенсивности» является формой режима, облегчающей навязывание неолиберальной экономической политики, включая либерализацию, маркетизацию и приватизацию – три столпа, на которых покоится Вашингтонский консенсус [47]. Важным аспектом кризиса легитимности является, поэтому, кризис либеральной демократии не только на Юге, но и на Севере.

Ввиду того, что кризис капитализма носит системный характер, а социальные, экономические и экологические резервы капиталистического воспроизводства близки к истощению, переход к новой фазе капиталистического развития за счет реформ и проведения какого-либо «нового курса» представляется маловероятным. Поэтому фактически речь может идти лишь о двух реальных возможностях фундаментальной реорганизации КМЭ – либо в гуманное демократическое общество, развитие которого не подчиняется логике прибыли, либо, ввиду стремления правящих страт сохранить привилегированное положение, в жесткую иерархическую неэгалитарную и недемократическую структуру – глобальный имперский порядок. То, что в настоящее время наблюдается сильная тенденция движения в направлении последнего, – вовсе не является выдумкой мир-системных аналитиков. Глобальное общество в результате осуществления неолиберальной глобализации все сильнее приобретает вид двухэтажной структуры. А о том, что Соединенные Штаты – единственная в истории гегемонистская держава, обладающая военными средствами вторжения глобального масштаба – готова использовать военную силу для ведения превентивных войн в качестве инструмента преобразования мира в своих интересах и образования американской глобальной империи, отнюдь не в фигуральном смысле открыто заявляют представители американской политической элиты. Таким образом, поскольку внутренние противоречия КМЭ по мере развертывания кризиса становятся острее, политика неоконсервативных кругов агрессивнее, а средства вооруженной борьбы разрушительнее, единственной альтернативой в XXI веке оказывается альтернатива: социализм или варварство.

Процесс глобализации, означающий усиление глобального характера производства и обмена и все большую интеграцию производительных сил в глобальном масштабе, то есть фактически усиление общественного характера производства и универсализацию человеческого общения, вступает в конфликт с капиталистической системой, основанной на отношениях частной собственности и существовании системы наций-государств, и закладывает фундамент для перехода к новому типу общественного развития. Вывод МСА о том, что глобализация означает финальный кризис капиталистической современности и переход к новой исторической системе, заслуживает самого серьезного отношения.

Литература

1. Арсеенко А. Глобалізація: соціальні зміни та наслідки в переддвері ХХІ століття // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1999. — № 1. — С.42–56.
2. Арсеенко А.Г., Гирич В. Сучасні виклики та парадокси глобалізації та інформатизації світової економіки // Соціальні виміри суспільства. Вип. 7. — К., 2004. — С.219–233.
3. Головаха Е.И. Соціологічна публіцистика. — К., 2001.
4. Ільющина Э. Глобалізація та постмодерне суспільство // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2004. — № 4. — С.79–98.
5. Ручка А.О. Особливості сучасної культурної глобалізації // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення ІІ Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., 2002. — С.353–358.
6. Толстых Н.В. Особливості формування соціальної структури суспільства в умовах глобалізації // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення ІІ Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., 2002. — С.180–182.
7. Танчер В. И. Валлерстайн про виклики соціології ХХІ століття // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2002. — № 2. — С. 57–67.
8. Кутуєв П. Методологічні основи мир-системного аналізу: парадигма Іммануїла Валлерстайна та його школи // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2003. — № 1. — С.72–85.
9. Бельський А.Г. Криза західноцентристських концепцій “модернізації” та “соціології розвитку” звільнених країн // Дослідження соціологічних проблем розвиваючихся країн. — М., 1978. — С. 219–235.
10. Castells M. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // British Journal of Sociology. — 2000. — Vol. 51. — № 1. — P.5–24
11. Sklair L. Sociology of the Global System. — L.; N.Y., 1995.
12. Burbach R., Robinson W.I. The Fin de Siecle Debate: Globalization as Global Shift // Science and Society. — 1999. — Vol. 63. — № 1. — P.10–39.
13. Hirst P., Thompson G. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. — Cambridge, 1996.
14. Фукуяма Ф. Кінець історії та останній чоловік. — М., 2004.
15. Канхен Ч. Закат Америки: Уже скоро. — М., 2004.
16. Sklair L. Competing Conceptions of Globalization // Journal of World-Systems Research. — 1999. — Vol. 5. — № 2. — P.143–162.
17. Robinson W.I., Harris J. Toward a Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class // Science and Society. — 2000. — Vol. 64. — № 1. — P.11–54.
18. McMichael Ph. Development and Social Change: A Global Perspective.— Thousand Oaks, 2000.
19. Martin W.G. Still Partners and Still Dissident After All These Years? Wallerstein, World Revolutions and World-System Perspective // Journal of World-Systems Research. — 2000. — Vol. 6. — № 2. — P. 234–263.
20. Уоллерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы социологии. — 1992. — Т.1. — № 1. — С.77–88.
21. Wallerstein I. The Evolution of the Modern World-System // Proto-Soziologie. — 1995. — Vol. 7. — P.4–10.
22. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System // International Sociology. — 2000. — Vol. 15. — № 2. — P.249–265.
23. Hopkins T.K., Wallerstein I. (coord.). The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025. — L., 1996.

24. *Arrighi G.* Globalization, State Sovereignty, and the 'Endless' Accumulation of Capital. Revised version of a paper presented at the Conference on "States and Sovereignty in the World Economy", University of California. — Irvine, 1997, Feb. 21–23. — P.17.
25. *Chase-Dunn C., Gills B.* Understanding Waves of Globalization and Resistance in the Capitalist World-System: Social Movements and Critical Globalization Studies // IROWS Working Papers. — 2003. — № 12. — P.1–11.
26. *Chase-Dunn C., Jorgenson G.R., Shoon L., Reifer T.E., Rogers J.* Waves of Structural Globalization since 1800: New Results on Investment Globalization // IROWS Working Papers. — 2002. — № 10. — P. 1–12.
27. *Chase-Dunn C.* Globalization: a World-Systems Perspective // Journal of World-Systems Research. — 1999. — Vol. 5. — № 2. — P.187–216.
28. *Su T.* Myth and Mystery of Globalization. World Trade Networks in 1928, 1938, 1960 and 1999 // Review. — 2002. — Vol. 25. — № 4. — P.376–377.
29. *Chase-Dunn C., Yukio Kawano, Brewer B.D.* Trade Globalization since 1795: Waves of Integration in the World-System // American Sociological Review. — 2000. — Vol. 65. — № 1. — P.77–95.
30. *Arrighi G., Silver B.J.* Chaos and Governance in the Modern World System. — Minneapolis, 1999.
31. *Arrighi G.* Global Market // Journal of World-Systems Research. — 1999. — Vol. 5. — № 2. — P.217–251.
32. *Boli J., Thomas M.* World Culture in the World Polity // American Sociological Review. — 1997. — Vol. 62. — № 2. — P.171–190.
33. *Wallerstein I.* Response: Declining States, Declining Rights // International Labour and Working Class History. — 1995. — № 1. — P.24–27.
34. *Франк А.Г.* Формационные переходы и мифологемы способов производства // Восток. — 1992. — № 2. — С.19–31.
35. *Франк А.Г.* Смещение мировых центров с Востока на Запад // Латинская Америка. — 1993. — № 2. — С.3–12.
36. *Wallerstein I.* States? Sovereignty? The Dilemmas of Capitalists in an Age of Transition. Keynote address at Conference on "States and Sovereignty in the World Economy", University of California. — Irvine, 1997, Feb. 21–23. — P.17.
37. *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. — L., 1994.
38. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. — Т.1. Структуры повседневности. — М, 1986.
39. *Friedmann H.* Prometheus Rebound // Contemporary Sociology. — 1996. — Vol. 25. — № 3. — P.319–322.
40. *Arrighi G., Silver B., Brewer B.D.* Industrial Convergence and the Persistence of the North-South Divide // Aportes. — 2001. — Año 7. — № 21. — P.11–39.
41. *Amin S.* The Political Economy of the Twentieth Century // Monthly Review. — 2000. — Vol. 52. — № 2. — P.1–17.
42. *Robinson W.I.* Social Theory and Globalization: The Rise of Transnational State // Theory and Society. — 2001. — Vol. 30. — № 2. — P.157–200.
43. *Рукавишников В.О.* Поиск новой стратегии мирового социального развития // Социологические исследования. — 1995. — № 8. — С.87–91.
44. UNDP Human Development Report 1999. — Oxford, 1999.
45. A Fair Globalization: Creating Opportunities For All. World Commission on the Social Dimension of Globalization. — S.I., 2004.
46. *Сакс И.* Прежние модели исчерпаны, нужны новые // Социологические исследования. — 1995. — № 8. — С.91–93.
47. *Gills B., Rocamora J.* Low Intensity Democracy // Third World Quarterly. — 1992. — Vol.13. — № 3. — P.501–523.
48. *Robinson W.* Globalization, the World System and "Democracy Promotion" in US Foreign Policy // Theory and Society. — 1996. — Vol. 25. — № 4. — P.615–665.